

В. Г. Белинский

Иван Андреевич Крылов

Виссарион Григорьевич Белинский

Иван Андреевич Крылов

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778315

Аннотация

«...Если мы сказали, что поэзия Кольцова относится к поэзии Пушкина, как родник, который поит деревню, относится к Волге, которая поит более чем половину России. – то поэзия Крылова, и в эстетическом и в национальном смысле, должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячи рек, и больших и малых. В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциальными стихиями, все разнообразие, вся многосортность ее национального духа. Крылов выразил – и надо сказать, выразил широко и полно – одну только сторону русского духа – его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию...»

Содержание

Комментарии

Виссарион Белинский

Иван Андреевич Крылов

В наше время *народность* сделалась первым достоинством литературы и высшею заслугою поэта. Назвать поэта «народным» значит теперь – возвеличить его. И потому все пишущие стихами и прозою во что бы то ни стало прежде всего хотят быть «народными», а потому уже и талантливы-ми. Но, несмотря на то, у нас, как и везде, бездарных писак гораздо больше, нежели талантливых писателей, а последних гораздо больше, нежели таких, которые были бы в одно и то же время и даровитыми и народными авторами. Причина этого явления та, что *народность* есть своего рода талант, который, как всякий талант, дается природою, а не приобретается какими бы то ни было усилиями со стороны писателей. И потому способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве – другой талант, не всегда, а, напротив, очень редко являющийся вместе с первым. Чего бы, казалось, легче русскому быть русским в своих сочинениях? А между тем, русскому гораздо легче быть в своих сочинениях даровитым, нежели *русским*. Без таланта творчества невозможно быть народным; но, имея талант творчества, можно и не быть народным. Оставляя в стороне вопрос, был ли Ломоносов поэтом и до какой степени был он поэтом, нельзя не признать, что его стихи были удивитель-

ны относительно к тому времени и сравнительно с стихами всех поэтов как современных ему, так и принадлежавших даже к екатерининской эпохе, за исключением одного Державина. А между тем, в громозвучных стихах Ломоносова нет ничего русского, кроме слов, – никакого признака народности. Даже в великолепных одах Державина только мгновенными искрами, и то изредка, промелькивают стихи народности. Нечего и говорить, до какой степени народны стихи Дмитриева, стихи и повести Карамзина, трагедии Озерова (из которых всего менее народности в самой народной – «Димитрии Донском»), стихотворения Батюшкова, а между тем, кто же может отрицать талант в этих писателях? После Пушкина, первого русского поэта, который был и велик и национален, – после Пушкина все пустились в народность, все за нею гонятся, а достигают ее только те, которые о ней вовсе не заботятся, стараясь быть только самими собою. И чего не делают эти рыцари народности, эти новые Дон Кихоты^[1], которые затем, что им никогда не удавалось видеть в лицо дамы своего сердца, вместо ее поклялись в верности толстой простонародности – краснощекой Дульцинее, – чего не делают они, чтоб сорвать улыбку одобрения с жирных и неопрятных губ этой девы в кумачном сарафане, с насаленною косою?.. Бедные, они добровольно отрекаются в своих сочинениях от сословия, к которому принадлежат, от образованности, которую, обязаны воспитанию, даже от той доли здравого смысла, которую не обделила их природа! Они

тщательно прячут свой фрак под смурый кафтан и, поглаживая накладную бороду, взапуски друг перед другом копируют язык гостинодворцев, лавочных сидельцев и деревенских мужиков. «О волны балтийские! – восклицает один из них: – *важно и почтенно уважили* вы меня, примчавши из *немецкой нехристи* к православным берегам пароход с моим другом!» Другой восклицает к своему приятелю (называя его, ради народного эффекта, *однокашником* и *однокорытником*): «Молодец ты, братец ты мой, дока и удалец! Бойко и почтенно пьешь ты пенную влагу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь разымчивою, пьяною любовью к родине; мил ты мне, дока и буйан вдохновенный!» Третий идет дальше: отуманенный пенным вдохновением, он проклиная науку, изрыгает пьяные хулы на просвещение, – и все это во имя народности, не подозревая, в простоте ума и сердца своего, что это совсем не народность, а площадная простонародность, тем более возмутительная, что она накидная, притворная, следовательно, лишенная той наивности, которая красит даже и глупость и пошлость, делая их смешными. Чем дальше в лес, тем больше дров; четвертый выкидывает новую штуку: он в своих стихах не прикидывается сидельцем из овощной лавки или бурлаком с Волги, не поет гимнов пеннику, не говорит, чтоб этот напиток был для Ломоносова животворным источником вдохновения, учености и звания русского языка, не прославляет ночных оргий, буйного на словах, но

трезвого на деле разгуляя, ни вакханального сладострастия, которое отзывается только испорченностью фантазии и потому холодно и гадко, как улыбка мертвых губ, приведенных в сотрясение вольтовым столбом, – нет, этот четвертый себе на уме – он ползет дальше, тарашится выше. У него есть настолько ума, чтоб отличить простонародность, или тривиальность, от народности, и он не хочет первой, а добивается последней. Для этого он выкидывает штуку помудрее трех первых: он объявляет себя избранным свыше органом народной славы, благовествующим колоколом великой судьбы своей родины. Завидная доля! Блажен, кто действительно назначен для нее природою! Но Лжедмитрии жалки и смешны не в одной политической истории: они смешны и в летописях литературы, – как это мы сейчас увидим. И вот наш непризванный и непризнанный благовестник отечественной славы начинает высиживать потовые стихи; торопиться ему нечего, и ему не беда, если к трем стихам четвертый придумается через год или через два: мозаика мыслей и стихов требует терпения и времени, как и живописная мозаика. Он избегает слов площадных и гоняется только за словами и оборотами старого летописного языка. Главное дело: стихи были бы гладки и звучны, резали бы зрительный нерв читателя фосфорическою яркостью красок, раздражали бы его слух колокольною звучностью и озадачивали бы его ум внешнею глубиностию изысканной мысли. Что нужды, что в этих стихах нет ни одного истинно русского, живого, теплого

слова, что в них все искусственно и поддельно и часто недостает смысла? Что нужды, что в них Русь показывается такою, какою она в действительности никогда не была и какою она существует только в маниловской фантазии сочинителя, что в ее представлении старое и навсегда прошедшее смешивается с новым настоящим и неведомым будущим? Что нужды – ведь фантазерству закон не писан! Притом же, как бы ни был человек ограничен, он всегда найдет несколько людей еще более ограниченное самого себя, которые готовы ему удивляться и превозносить его. Эти добрые приятели могут доставить ему двойное удовольствие: и славу, правда, очень жалкую, но для дюжинной природы все же завидную, и потеху, потому что он может и пользоваться доставленною им славою, и под рукою смеяться над ними. Все это делается в стихах, а что еще делается в романах, повестях и драмах – боже мой! Да об этом лучше уж и не начинать говорить, а то, пожалуй, и не кончишь!

Подобными примерами бесплодного рыцарского обожения народности богата не одна русская литература. Мы укажем на такой пример во французской литературе, – на такое же явление, только в огромном размере, и не просто комическое, но вместе с тем и трагическое. Посмотрите на Виктора Гюго: чем он был и чем он стал! Как страстно, как жадно, с какою конвульсивною энергиею стремился этот человек, действительно даровитый, хоть и несколько не гениальный, сделаться представителем в поэзии национального ду-

ха своей земли в современную нам эпоху! И между тем, как жалко ошибся он и значения своего времени и в духе современной ему Франции! И теперь еще высится в своем готическом величии громадное создание гения средних веков – «Собор парижской богородицы» («Notre Dame de Paris»), а тот же собор, воссозданный Виктором Гюго, давно уже обратился в карикатурный гротеск, в котором величественное заменено чудовищным, прекрасное – уродливым, истинное – ложным... А его несчастные драмы – *requiescant in pace!*¹ Франция, некогда до сумасшествия рукоплескавшая Виктору Гюго, давно обогнала и пережила его и забавляется тем, что он сделался теперь мишенью всех острот и насмешек. Но есть теперь во Франции поэт, который явился прежде Виктора Гюго и жив еще до сих пор: этот поэт слагал песенки, которые пелись в одно и то же время и простым народом и людьми образованных классов. Слагал он эти песенки совсем не для того, чтоб сделаться великим человеком; нет, он пел потому только, что ему пелось, и он сам себя всегда называл песенником (*chansonnier*), как бы думая, что титул поэта для него слишком высоко. И в самом деле, его песни давно уже пелись целым народом, людьми грамотными и безграмотными, но все смотрели на него только как на песенника – не более. И как же могло быть иначе? Ведь песня, особенно веселая и шутливая, не больше, как безделка; это совсем не то, что увесистая поэма или роман вроде «Notre

---

¹ почивают в мире! (*лат.*) – *Ред.*

Dame de Paris»... Наполеон был из первых, которые поняли этого «песенника»: по выражению одного французского критика, Наполеон из отдаленного своего острова приветствовал *Беранже*, как царя французских поэтов... И не мудрено: Наполеон не отличался особенным эстетическим вкусом, но у него было удивительное чутье, чтоб предугадать народную славу еще в ее колыбели, в какой бы сфере деятельности ни суждено было ей проявиться... И в самом деле, «песенник» скоро всеми признан был великим поэтом не одной Франции и национальнейшим поэтом самой Франции. Вся сущность национального духа Франции высказалась в песнях Беранже в самой оригинальной, в самой французской и притом в роскошно поэтической форме. Скромный «песенник» имел право сказать о себе:

Enfin, avonez qu'en mon livre
Dieu brille a travers ma gaité.
Je crois qu'il nous regarde vivre,
Qu'il a beni ma pauvreté^[2].

Всего поразительнее в параллели между Виктором Гюго и Беранже то, что первый искал славы? – и она обманула его; другой не думал о ней. – и она увенчала его своим ореолом. Такие явления не редки. Сальери Пушкина не совсем неправ, говоря, что бессмертный гений посылается не в награду самоотвержения, трудов и молений. —

А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного...

Да, народность в поэте есть такой же талант, как и способность творчества. Если надо родиться поэтом, чтоб быть поэтом. – то надо и родиться народным, чтоб выразить свою личностную характеристические свойства своих соотечественников. Правда, в строгом смысле, никто, принадлежа народу, не может не быть народным, да та беда, что в одном черты народности обозначены слабо, вяло и незаметно, а другой представляет собою хотя и резко, но зато не такие стороны народности, которыми можно было бы гордиться. Всякий немец курит табак и ест картофель; всякий немец тяжел и расчетлив, но не всякий немец – Гете или Шиллер. Сколько на Руси найдется людей, которые умеют петухом кричать и любят в трескучие морозы окунуться в реке; но из этого еще не следует, чтоб каждый из этих людей был Суворов.

Народным делает человека его натура. Поэтому для него нет ничего легче, как быть народным. Без природы же, как ни бейтесь, – народным не будете. Скажем более: тоскливое, сильное желание быть народным есть первый признак отсутствия способности быть народным. Это бывает и в простых житейских отношениях. Соберется на улице толпа смотреть какое-нибудь интересное для нее зрелище, и стоит между нею верзила чуть не в три аршина, и все ему видно

без всякого с его стороны усилия, а подле него пялится на цыпочках какой-нибудь малорослый и, несмотря на все свои усилия, ничего не может увидеть. С завистию и невольным уважением смотрит он на великана, как будто бы вменяя ему в великую заслугу его рост, в котором тот нисколько не виноват и от которого он иной раз стонет и охает, когда ему приходится шить на себя платье или не удастся увернуться от удара, который метче падает на высокое, нежели на низкое.

Самоотвержение, труд, наука имеют свойство развивать и улучшать данное природою: это благотворный дождь, падающий на семя; но, если нет семени, дождь производит не плодородие, а только грязь. Есть счастливые натуры, которым даже даром дается все то, чего другие, более бедные натуры, и трудом получить не могут. Вот эти-то счастливые баловни природы иногда проживают всю жизнь свою, почти не догадываясь о своем значении и беспечно, лениво пользуясь славою, которая далась им даром. К таким натурам принадлежал наш Крылов.

Так как способность быть народным есть своего рода талант, то она имеет свои бесконечные степени, подобно всякому таланту. Тут есть таланты обыкновенные и великие, есть гении. Это зависит от степени, в которой известная личность выражает собою дух своей нации. Организация одного вмещает в себе лучшие, высшие стороны национального духа; организация другого обнимает собою менее характери-

стические стороны народности; один выражает собою многие, другой весьма немногие стороны сущности своего народа. Оттого в поэтах со стороны народности такая же разница, как и в поэтах со стороны таланта. Пушкин поэт народный, и Кольцов поэт народный. – однако ж расстояние между обоими поэтами так огромно, что как-то странно видеть их имена, поставленные рядом. И эта разница между ними заключается в объеме не одного таланта, но и самой народности. В том и другом отношении Кольцов относится к Пушкину, как бьющий из горы светлый и холодный ключ относится к Волге, протекающей большую половину России и поющей миллионы людей. Но, во всяком случае, качество *народности* есть великое качество в поэте: и Кольцов переживает многих поэтов, которые пользовались несравненно высшею против него славою, но которые не были народны. Народный поэт есть явление *действительное* в философском значении этого слова: если б даже поэтический талант его был не огромен, он всегда опирается на прочное основание – на натуру своего народа, и во внимании к нему выражается акт самознания народа. Поэт же, талант которого лишен национальной струи, всегда, более или менее, есть явление временное и преходящее: это дерево, сначала пышно раскинувшее свои ветви, но потом скоро засохшее от бессилия глубоко пустить свои корни в почву. Поэтому народность в поэте есть своего рода *гениальность*, не всегда в смысле глубины и многосторонности, но всегда в смысле оригинальности. В самом

деле, что же составляет первую, самую резкую черту гения, если не эта особенность, не эта оригинальная самобытность, которая всегда открывает своею деятельностью совершенно новую сферу мысли, которую талант по следам гения только разрабатывает, но под оригинальную форму которой он не может подделаться?..

Нет нужды доказывать, что между народностью поэзии Крылова и народностью поэзии Пушкина такая же огромная разница, как и вообще между поэзией Крылова и поэзией Пушкина. Мы не сочли бы за нужное и упоминать об этом, если б не знали, что в нашем литературном мире есть особенного рода «ценители и судьи», которые, радуясь случаю объявить себя задушевными друзьями умершего поэта (благо, уже он не может изобличить их в клевете!), готовы поставить его выше всякого другого, к которому им никак нельзя набиваться в дружбу, даже и после его смерти. Несмотря на то, что все точные определения сравнительных величин писателей немножко отзываются детством, – мы тем не менее чувствуем необходимость прибегать к подобным определениям, зная, что большинство нашей публики, еще не установившееся в самостоятельном литературном вкусе, нуждается в них. Один из так называемых критиков объявил же некогда, что если б ему нужно было унести с собою в кармане все, что есть лучшего в русской литературе, – он взял бы *только* басни Крылова и «Горе от ума» Грибоедова. В большинстве нашей публики всякое мнение находит себе последователей,

и потому у нас не мешает чаще повторять истины вроде той, что дважды два – четыре. И потому обратимся к сравнению. Если мы сказали, что поэзия Кольцова относится к поэзии Пушкина, как родник, который поит деревню, относится к Волге, которая поит более чем половину России. – то поэзия Крылова, и в эстетическом и в национальном смысле, должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячи рек, и больших и малых. В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциальными стихиями, все разнообразие, вся многосортность ее национального духа. Крылов выразил – и надо сказать, выразил широко и полно – одну только сторону русского духа – его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию. Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца; мы видим в нем нечто большее. Басня только форма; важен тот дух, который точно так же выражался бы и в другой форме. Говоря о Хемницере и Дмитриеве, говорите о басне и баснописцах. Басни Крылова, конечно, тоже басни, но, сверх того, еще и нечто большее, нежели басни. Объясним нашу мысль сравнением. Дмитриев написал около семидесяти басен, и многие из них прекрасны. Но в чем состоит их главное достоинство? В хороших (по тому времени) стихах и в наставительности, полезной и убедительной – для детей. Лучшею баснею Дмитриева была признана тогдашними словесниками басня «Дуб и

Трость», переведенная или переделанная им из Лафонтена. Крылов тоже перевел и переделал эту басню, и общее мнение справедливо признало пьесу Дмитриева лучшею. Но что же в этой басне? – Доказательство, что сильные погибают скорее, нежели слабые, потому что первые стоят на высоте, подверженные всем ударам бурь, а последние, на своих низменных местах, спасаются от ветра способностью гнуться. Справедливо и морально, но опять-таки только для детей! Взрослые люди не по басням учатся нравственной философии; в наше время и четырнадцатилетнего мальчика не очень убедишь такую басню. Вот еще одна из лучших басен Дмитриева:

О, дети, дети, как опасны ваши лета!
Мышонок, не выдавший света,
Попал было в беду, и вот как он об ней
Рассказывал в семье своей: —
Оставляя нашу нору
И перебравшись чрез гору,
Границу наших стран, пустился я бежать,
Как молодой мышонок,
Который хочет показать,
Что он уж не ребенок.
Вдруг с розмаху на двух животных набежал:
Какие звери, сам не знал;
Один так смирен, добр, так плавно выступал,
Так миловиден был собою!
Другой нахал, крикун, теперь лишь только с бою;
Весь в перьях; у него косматый крюком хвост;

Над самым лбом дрожит нарост
Какой-то огненного цвета,
И так, как две руки, служащи для полета;
Он ими так махал
И так ужасно горло драл,
Что я-таки не трус, а подавай бог ноги —
Скорее от него с дороги.
Как больно! без него я, верно бы, в другом
Нашел наставника и друга!
В глазах его была написана услуга!
Как тихо шевелил пушистым он хвостом!
С каким усердием бросал ко мне он взоры,
Смиренны, кроткие, но полные огня!
Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, а вдоль спины узоры;
А уши как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными мышами.
— А я тебе на то скажу. —
Мышонка мать остановила. —
Что этот доброхот,
Которого тебя наружность так прельстила,
Смиренник этот – Кот;
Под видом кротости, он враг наш, злой губитель;
Другой же был – Петух, смиренный кур любитель:
Не только от него не видим мы вреда
Иль огорченья,
Но сам он пищей нам бывает иногда;
Вперед по виду ты не делай заключенья^[3].

Вот вам и *басня*! Если вы не знаете, как опасны детские лета и что по виду не должно делать заключения, – вам полезно будет даже выучить ее наизусть. А вот одна из лучших басен Крылова:

Крестьянин позвал в суд Овцу;
Он уголовное взвел на бедняжку дело;
Судья – Лиса: оно в минуту закипело,
Запрос ответчику, запрос истцу,
Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
Как было дело, в чем улика?
Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
Поутру, у меня двух кур не досчитались:
От них лишь косточки да перышки остались;

А на дворе одна Овца была».
Овца же говорит: она всю ночь спала,
И всех соседей в том в свидетели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверх того, она совсем не ест мясного,
И приговор Лисы вот от слова до слова:
«Не принимать никак резонов от Овцы,
Понеже хоронить концы
Все плуты, ведомо, искусны;
По справке ж явствует, что в сказанную ночь —
Овца от кур не отлучалась прочь,

А куры очень вкусны,
И случай был удобен ей;
То я сужу, по совести моей:
Нельзя, чтоб утерпела
И кур она не съела;
И, вследствие того, казнить Овцу,
И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

Мы привели эти две басни совсем не для решения вопроса, который из двух баснописцев выше: подобный вопрос и не в наше время был уже смешон. Кумовство и приходские отношения некогда старались даже доставить пальму первенства Дмитриеву; тогда это было забавно, а теперь было бы нелепо. Мы привели эти две басни, чтоб показать, что басни Крылова – не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, злая сатира, словом, что хотите, только не просто басня. Басен в *таком роде* немного у Дмитриева: «Мышь, удалившаяся от света», «Лиса-проповедница», «Муха» и «Прохожий», – всего четыре; из них особенно хороша вторая; но ни в одной из них нет этих руссизмов в языке и в понятиях, потому что галлицизмы или руссизмы бывают не в одном языке, но и в понятиях: француз по-своему смотрит на вещи, по-своему схватывает их смешную сторону, по-своему анализирует, русский – по-своему. Вот этим-то уменьем чисто по-русски смотреть на вещи и схватывать их смешную сторону в меткой иронии владел Крылов с такою полнотою и свободою. О языке его нечего и говорить: это

неисчерпаемый источник руссизмов; басни Крылова нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать, как переделываются для сцены Александринского театра французские водевили; но тогда – что же будет в них хорошего? Множество стихов Крылова обратилось в поговорки и поговорки, которыми часто можно окончить спор, и доказать свою мысль лучше, нежели какими-нибудь теоретическими доводами. Не как предположение, но как истину, в которой мы убеждены, можем сказать, что для Грибоедова были в баснях Крылова не только элементы его комического стиха, но и элементы комического представления русского общества. В приведенной нами басне «Крестьянин и Овца» эти элементы очевидны: в ней нет никакой морали, никакого нравоучения, никакой сентенции; это просто – поэтическая картина одной из сторон общества, маленькая комедийка, в которой удивительно верно выдержаны характеры действующих лиц и действующие лица говорят каждое сообразно с своим характером и своим званием. Кто-то и когда-то сказал, что «в баснях у Крылова медведь – русский медведь, курица – русская курица»: слова эти всех насмешили, но в них есть дельное основание, хотя и смешно выраженное. Дело в том, что в лучших баснях Крылова нет ни медведей, ни лисиц, хотя эти животные, *кажется*, и действуют в них, но есть люди, и притом русские люди. Выше мы привели басню Крылова без морали и сентенции, а теперь выпишем басню с моралью и сентенциями:

– Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки? —

Лисицу спрашивал Сурок.

– Ох, мой голубчик-куманек!

Терплю напраслину и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была в курятнике судьей,

Утратила в делах здоровье и покой,

В трудах куска не доедала,

Ночей не досыпала:

И я ж за то под гнев подпала;

А все по клеветам. Ну, сам подумай ты:

Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?

Мне взятки брать? Да разве я взбежуся!

Ну, видывал ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтоб этому была причастна я греху?

Подумай, вспомни хорошенько.

– Нет, кумушка; я видывал частенько,

Что рыльце у тебя в пуху.

Ссылаемся на здравое суждение наших читателей и спрашиваем их: много ли стихов и слов нужно переменить в этой басне, чтоб она целиком могла войти, как сцена, в комедию Грибоедова, если б Грибоедов написал комедию – «Взяточник»? Нужно только имена, зверей заменить именами людей да переменить последний стих из уважения к взяточникам, которые хоть и плуты, но все же имеют лицо, а не рыльце... Это басня; а вот ее мораль, ее сентенции:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает,
И подлинно: весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой. —
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку,
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
А как не согрешишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть?

Если хотите, это мораль, потому что всякая сатира, которая кусается, богата моралью; но в то же время это новая басня, которую опять можно принять за монолог из грибоедовской комедии. Есть люди, которые с презрением смотрят на басню, как на ложный род поэзии, и потому не хотят ценить высоко таланта Крылова. Грубое заблуждение! Вольтер прав, сказав, что все роды поэзии хороши, кроме скучного... и несовременного, прибавим мы. Басня, как нравоучительный род поэзии, в наше время — действительно ложный род; если она для кого-нибудь годится, так разве для детей: пусть их и читать приучаются, и хорошие стихи заучивают, и набираются мудрости, хотя бы для того, чтоб после над нею же трунить и острить. Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии. Конечно, не только превосходная басня, но и целое собрание превосходных басен, может быть, далеко не то, что

одна такая комедия, как «Горе от ума»; однако ж, во-первых, всякому свое, и каждый талант пусть идет своею дорогою; во-вторых, как мы заметили выше, басня может заключать в себе элементы высших родов поэзии, как, например, комедии; а в-третьих, сама басня так, как она есть, не может быть заменена никаким другим родом, как бы он ни был выше ее. Если «Горе от ума» выше каждой басни и, пожалуй, выше всех басен Крылова, – от этого басня «Крестьянин и Овца» нисколько не теряет свойственного ей достоинства и вполне остается превосходным произведением. В этом отношении выражение Вольтера «все роды поэзии хороши, кроме скучного» получает глубокий смысл. Нравоучительная басня, уже по самой своей сущности, скучный род, и тратить на нее талант – все равно, что стрелять из пушек по воробьям. Но басня, как сатира, была и всегда будет прекрасным родом поэзии, пока будут являться на этом поприще люди с талантом и умом. Роды поэзии всегда были и всегда будут одни и те же: они изменяются, сообразно с национальностями и эпохами, в духе и направлении, но не в форме. Трагедия – везде трагедия: и в древней Индии, и в древней Греции, и у французов XVII века, и у англичан XVI, и у немцев XVIII и XIX века; но трагедия индийцев не то, что трагедия греков; трагедия древних греков – не то, что трагедия Корнеля и Расина; классическая французская трагедия не то, что трагедия Шекспира, а трагедия Шекспира не то, что трагедия Шиллера и Гете. Между тем, каждая из этих трагедий хороша сама

по себе и по своему времени, но ни одна из них не может называться вечным типом, и трагедия самого Шекспира для нашего времени так же не годится, как трагедия Расина... Не в том смысле не годится, чтоб ее теперь нельзя было читать, – боже нас сохрани от такой варварской мысли! – но в том, что современную нам действительность невозможно изображать в духе и форме шекспировской драмы. То же можно сказать и о басне. Езоп не годится для нашего времени. Выдумать сюжет для басни теперь ничего не стоит, да и выдумывать не нужно: берите готовое, только умейте *рассказать* и *применить*. Рассказ и цель – вот в чем сущность басни; сатира и ирония – вот ее главные качества. Крылов, как гениальный человек, инстинктивно угадал эстетические законы басни. Можно сказать, что он создал русскую басню. И его инстинктивное стремление потом перешло в сознательное убеждение. Крылова басни можно разделить на три разряда: 1) басни, в которых он хотел быть просто моралистом и которые слабы по рассказу; 2) басни, в которых моральное направление борется с поэтическим; и 3) басни чисто сатирические и поэтические (потому что сатира есть поэзия басни). К первому разряду принадлежат басни: «Дуб и Трость», «Ворона и Курица», «Лягушка и Вол», «Парнас», «Василек», «Роща и Огонь», «Чиж и Еж», «Обезьяна», «Мартышка и очки», «Два Голубя», «Червонец», «Безбожники», «Лягушки, просящие царя», «Раздел», «Бочка», «Волк на псарне», «Ручей», «Стрекоза и муравей», «Орел и Пчела», «Заяц на лов-

ле», «Волк и Кукушка», «Петух и Жемчужное зерно», «Хозяин и Мыши», «Огородник и Философ», «Старик и трое Молодых», «Дерево», «Лань и Дервиш», «Листы и Корни», «Волк и Лисица», «Пруд и река», «Механик», «Пожар и Алмаз», «Крестьянин и Змея», «Конь и Всадник», «Чиж и Голубь», «Водолазы», «Госпожа и две Служанки», «Камень и Червяк», «Крестьянин и Смерть», «Собака», «Рыцарь», «Человек», «Кошка и Сокол», «Подагра и Паук», «Лев и Лисица», «Хмель», «Туча», «Клеветник и Змея», «Лягушка и Юпитер», «Кукушка и Горленка», «Гребень», «Скупой и Курица», «Две Бочки», «Алкид», «Апеллес и Осленок», «Охотник», «Мальчик и Змея», «Пчела и Мухи», «Пастух и Море», «Колос», «Мальчик и Червяк», «Сочинитель и Разбойник», «Ягненок», «Булыжник и Алмаз», «Мот и Ласточка», «Плотичка», «Паук и Пчела», «Змея и Овца», «Дикие Козы», «Соловьи», «Котенок и Скворец», «Лев, Серна и Лиса», «Крестьянин и Лошадь», «Сокол и Червяк», «Филин и Осел», «Змея», «Мыши». Во всех этих баснях Крылов является истинным баснописцем в духе прошлого века, когда в басне видели моральную аллгорию. В них он может состязаться с Хемницером и Дмитриевым, то побеждая их, то уступая им. Так, знаменитая в свое время, но довольно пошлая басня Лафонтена – «Два Голубя» в переводе Дмитриева лучше, нежели в переводе Крылова: Крылову никогда не удавалось быть сентиментальным! Во всех поименованных нами баснях преобладает риторика; рассказ в них растянут,

вял, прозаичен, язык беден руссизмами, мысль отзывается общим местом, а нравственные выводы недорого стоят. Тут Крылов еще не мастер, а только ученик и подражатель, – человек прошлого века.

Ко второму разряду мы причисляем басни: «Ворона и Лисица», «Ларчик», «Разборчивая невеста», «Оракул», «Волк и Ягненок», «Синица», «Троеженец», «Орел и Куры», «Лев и Барс», «Вельможа и Философ», «Мор Зверей», «Собачья дружба», «Прохожие и Собаки», «Лжец», «Щука и Кот», «Крестьянин и Работник», «Обоз», «Вороненок», «Осел и Соловей», «Откупщик и Сапожник», «Слон и Моська», «Волк и Волченок», «Обезьяна», «Мешок», «Кот и Повар», «Лев и Комар», «Крестьянин и Лисица», «Свинья», «Муха и Дорожные», «Орел и Паук», «Собака», «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Скворец», «Пустынник и Медведь», «Цветы», «Крестьянин и Разбойник», «Любопытный», «Лев на ловле», «Демьянова уха», «Мышь и Крыса», «Комар и Пастух», «Тень и Человек», «Крестьянин и Топор», «Лев и Волк», «Слон в случае», «Фортуна и Нищий», «Лиса-строитель», «Напраслина», «Фортуна в гостях», «Волк и Пастухи», «Пловец и Море», «Осел и Мужик», «Волк и Журавль», «Муравей», «Лисица и Виноград», «Овцы и Собаки», «Похороны», «Трудолюбивый Медведь», «Совет Мышей», «Паук и Пчела», «Лисица и Осел», «Муха и Пчела», «Котел и Горшок», «Скупой», «Богач и Поэт», «Две Собаки», «Кошка и Соловей», «Лев состаревшийся», «Кукушка и Орел», «Со-

кол и Червяк», «Бедный Богач», «Пушки и Паруса», «Осел», «Мирон», «Собака и Лошадь», «Волк и Кот», «Леши», «Водопад и Ручей», «Лев». Из этих басен не все равного достоинства; некоторые из них совершенно в моральном духе, но замечательны или умною мыслью, или оригинальным рассказом, или тем, что их мораль видна из дела или высказана стихом, который так и смотрит пословицей.

К третьему разряду мы относим все лучшие басни, каковы: «Музыканты», «Лисица и Сурок», «Слон на воеводстве», «Крестьянин в беде», «Гуси», «Тришкин кафтан», «Крестьянин и Река», «Мирская сходка», «Медведь у Пчел», «Зеркало и Обезьяна», «Мельник», «Свинья под Дубом», «Голик», «Крестьянин и Овца», «Волк и Мышонок», «Два мужика», «Рыбы пляски», «Прихожанин», «Ворона», «Белка», «Щука», «Бритвы», «Булат», «Купец», «Три Мужика». Девятая (и последняя) книга заключает в себе одиннадцать басен: из них видно, что Крылов уже вполне понял, чем должна быть современная басня, потому что между ними нет ни одной, которая была бы написана для детей, тогда как в *седьмой* и *восьмой* книгах, самых богатых превосходными баснями, еще попадаются детские побасенки, как, например, «Плотичка». Хотя все одиннадцать басен девятой книги принадлежат к числу лучших басен Крылова, однако нельзя не заметить, что их выполнение не совсем соответствует зрелости их мысли и направления: тут виден еще великий талант, но уже на закате. Исключение остается только за «Вельможею»,

которым достойно заключено в последнем издании собрание басен Крылова: это одно из самых лучших его произведений. Девятая книга доказывает, что бы мог сделать Крылов, если б он попозже родился... Но в то же время его появление в эпоху младенчества нашей литературы свидетельствует о великой силе его таланта: риторическое направление литературы могло повредить ему, но не в силах было ни убить, ни исказить его. Крылов родился 2 февраля 1768, следовательно, почти через три года после смерти Ломоносова, за шесть лет до смерти Сумарокова; первому талантливому русскому баснописцу Хемницеру было тогда 24 года от роду, а Дмитриеву было только 8 лет. Сын бедного чиновника, Крылов не мог получить блестящего воспитания, но, благодаря своей счастливой натуре, он не остался без образования и в этом отношении с малыми средствами умел сделать много. Он принадлежал к числу тех оригинальных натур, в которых сильная внутренняя самодеятельность соединяется с беспечностью, ленью и равнодушием ко всему. Крылов не был страстен, но не был и апатичен: он был только ровен и спокоен. Удивляя своею леностью, он умел удивлять и деятельностью, известен анекдот о нем, как он из-за спора с приятелем своим Гнедичем в короткое время, тайком ото всех, выучился греческому языку, будучи уже далеко не в тех летах, когда учатся. Поэтому не мудрено, что в нем рано проснулась страсть к литературе, которая никогда не пылала в нем, но всегда горела тихим и ровным пламенем. Пятнадцати лет от

роду он был уже сочинителем и, бедный канцелярист в одном из присутственных мест Твери, написал либретто комической оперы «Кофейница» (Крылов любил музыку). Опера эта никогда не была в печати, и беспечный автор даже потерял и рукопись своего первого произведения. Семнадцати лет от роду Крылов переехал на службу в Петербург в 1785 году, и с этого времени начинается его литературная карьера. Он знал по-французски, но настоящими учителями его были тогдашние русские писатели. Литература русская следовала тогда риторическому направлению, данному ей Ломоносовым. Ломоносов тогда считался безупречным образцом для всякого, кто хотел быть поэтом. Сумароков разделял с ним право великого маэстро словесности. Державин тогда только что, как говорится, вошел в славу. «Россиада» Хераскова только что вышла в это время (1785)^[4]; лирик Петров был уже на высоте своей славы; колоссальная в то время слава Богдановича утвердилась еще с 1778 года, когда вышла его «Душенька»; Фонвизин в то время был уже автором «Недоросля»; наследник Сумарокова в драматической литературе, Княжнин также был в то время на верху своей славы; пользовались тогда большою известностию Костров, Николаев, Майков, Рубан, Аблесимов, Клушин, Плавильщиков, Бобров. Но в это время зарождалась и новая эпоха русской литературы: тогда выступала на литературное поприще дружина молодых талантов, еще неизвестных, но которым назначалась впоследствии более или менее важная роль в нашей литера-

туре. Таковы были Нелединский-Мелецкий, Капнист, Дол-
горукий (Иван), Подшивалов, Никольский, Макаров, нако-
нец – Карамзин и Дмитриев, которые были потом, особенно
первый, оракулами нового периода русской словесности. В
этот-то переходный момент нашей литературы начал семна-
дцатилетний Крылов свое поприще. Не скоро сознал он свое
назначение и долго пробовал свои силы не на своем попри-
ще. Не думая быть баснописцем, он думал быть драматур-
гом. Он написал трагедию «Клеопатра» и как, по замечаниям
знаменитого Дмитревского, признал ее неудачною, написал
другую – «Филомела». Обе они не попали ни на театр, ни в
печать^[5]. Наконец он пробовал себя даже в оде. Один лите-
ратор доставил нам опыт Крылова в этом роде, который, для
редкости и как живой памятник духа того времени, предла-
гаем здесь любопытству читателей:

ОДА
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ,   ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ,
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ,
ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ,
САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА РОССИИ СО ШВЕДИЕЮ,
КОТОРУЮ ВСЕПОДДАННЕЙШЕ ПРИНОСИТ
ИВАН КРЫЛОВ
1790 ГОДА, АВГУСТА ... ДНЯ
Доколь, сын гордыя Юноны,
Враг свойства мудрых: тишины,

Ничтожа естества законы,
Ты станешь возжигать войны?
Подобно громам соединенны,
Доколе, Марс, трубы военны
Убийства будут возглашать?
Когда воздремлешь ты от злобы?
Престанешь города во гробы,
Селеньи в степи превращать?

Дни кротки мира пролетели,
Местам вид подал ты иной:
Где голос звонкой пел свирели,
Там слышен фурий адских вой.
Нимф нежных скрылись хороводы,
Бросаются наяды в воды,
Сонм резвых сатир убежал.
Твой меч, как молния, сверкает;
Народы так он посекает,
Как прежде серп там класы жал.

Какой еще я ужас внемлю!
Куда мой дух меня влечет!
Кровавый понт я зрю, не землю;
В дыму тускнеет солнца свет;
Я слышу стоны смертных рода...
Не расторгается ль природа?
Не воскресает ли хаос?..
Не рушится ль вселенна вскоре?..
Не в аде ль я?.. Нет, в Финском море,

Где поражает готфа росс.

Где образ естества кончины
Передо мной изображен.
Кипят кровавые пучины,
И воздух молнией разжен.
Там плавают горящи грады.
Не в жизни, в смерти там отрады,
Повсюду слышно: гибнем мы!
Разят слух грома разъяренны.
Там тьма подобна тьме геенны:
Там свет ужасней самой тьмы.

Но что внезапно укрощает
Отважны россиян сердца?
Умолк мятеж и не смущает
Вод финских светлого лица.
Рассеян мрак, утихли стоны,
И nereиды и тритоны
Вкруг мирных флагов собрались,
Победы россиян воспели:
В полях их песни возгремели
И по вселенной разнеслись.

Арей, спокойство ненавидя,
Питая во груди раздор,
Вздыхнул, оливны ветви видя,
И рек, от них отвлекши взор:
«К тому ль, россияне суровы,

Растут для вас леса
Лавровы, Чтобы любить вам тишину!
Дивя весь свет своим геройством,
Почто столь пленны вы спокойствием
И прекращаете войну?

Среди огня, мечей и дыма
Я славу римлян созидал;
Я богом был первейшим Рима:
Мной Рим вселенной богом стал.
Мои одни признав законы,
Он грады жег и рушил троны,
Забаву в злобе находил,
Он свету был страшней геенны,
И на развалинах вселенны
Свою он славу утвердил.

А вы, перунами владея,
Страшней быв Рима самого,
Не смерти ищите злодея,
Хотите дружества его.
О росс, оставь толь мирны мысли:
Победами свой век исчисли,
Вселенну громом востревожь.
Не милостями пленяй народы;
Рассей в них страх, лишай свободы;
Число невольников умножь».

Он рек – и, чая новой дани,

Стирая хладну кровь с броней,
Ко пламенной готовил брани
Своих крутящихся коней...
Но вдруг во пропасти подземны
Бегут, смыкая взоры темны,
Мятеж, коварство и раздор.
Как гонит день ночны призраки,
Так гонит их в кромешны мраки
Один Минервы кроткий взор.

Подобно как луна бледнеет,
Увидя светла дней царя,
Так Марс мятется и темнеет,
В Минерве бога мира зря.
Уносится, как ветром прахи:
Пред ним летят смятеньи, страхи,
Ему сопутствует весь ад;
За ним ленивыми стопами
Влекутся, скрежеща зубами,
Болезни, рабство, бедность, глад.

И се на севере природа
Веселый образ приняла.
Минерва русского народа
Сердцам спокойство подала.
Рекла – и громов росс не мещет.
Рекла – и финн уж не трепещет,
Спокойны на морях суда.
Дивясь, дела ее велики

Нимф нежных воспевают лики,
Ликуют села и града.

Таков есть бог: велик во брани,
Ужасен в гневе он своем,
Но коль прострет в знак мира длани, —
Творца блаженства видим в нем.
Как воск, пред ним так тает камень,
Рука его, как вихрь и пламень,
Колеблет основанье гор;
Но в милостях Едем рожаем,
Сердца и души услаждает
Ево единый тихий взор.
Ликуй, росс, видя на престоле
Владычицу подобных свойств,
Святой ее усердствуй воле,
Не бойся бед и неустройств.
Вотще когтями гидры злоба
Тебе копает двери гроба,
Вотще готовит чашу слез;
Один глагол твоей Паллады
Коварству ставит преграды
И мир низводит к нам с небес.

О, коль блаженны те державы,
Где, к подданным храня любовь,
Монархи в том лишь ищут славы,
Чтоб, как свою, щадить их кровь!
Народ в царе отца там видит;

Где царь раздоры ненавидит;
Законы дав, хранит их сам.
Там златом ябеда не блещет,
Там слабый сильных не трепещет,
Там трон подобен небесам.

Рассудком люди не боятся
Себя возвысить от зверей;
Но им они единым льстятся
Вниманье заслужить царей,
Невежество на чисты музы
Не смеет налагать там узы,
Не смеет гнать его наук,
Приняв за правило неложно,
Что истребить их там не можно,
Где венценосец музам друг.

Там тщетно клевета у трона
Приемлет правды кроткий вид:
Непомраченна злом корона
Для льстивых уст ее эгид.
Не лица там, дела их зримы:
Законом все одним судимы,
Простой и знатный человек;
И во блаженной той державе
Царя ее к бессмертной славе
Цветет златой Астреи век.

Но кто в чертах сих не узнает

Россиян счастливый предел!
Кто, видя их, не вспоминает
Екатерины громких дел?
Она наукам храмы ставит,
Порок разит, невинность славит,
Дает художествам покой;
Под сень ее текут народы
Вкушать Астреи кроткой годы,
Астрею видя в ней самой.

Она неправедной войною
Не унижает царский сан
И крови подданных ценою
Себе не ищет новых стран.
Врагов, жалея, поражает,
Когда суд правый обнажает
Разящий злобу меч ее;
Во гневе молниями блещет,
Ее десница грома мечет,
Но в сердце милость у нее.

О ты, что выше круга звездна
Сидишь, царей суды внемля,
Трон коего есть твердь небесна,
А ног подножие – земля!
Молитву чад России верных,
Блаженству общества усердных,
Внемли во слабой песне сей:
Чтоб россов продолжить блаженство

И зреть их счастья совершенство,
Давай подобных им царей.

Но что в восторге дух дерзает?
Куда стремлюся я в сей час?..
Кто свод лазурный отверзает,
И чей я слышу с неба глас?
Вещает бог Екатерине:
«Владей, как ты владеешь ныне;
Народам правый суд твори:
В лице твоём ко мне языки
Воздвигнут песни хвал велики,
В пример тебя возьмут цари.

Предел россиян громка слава:
К тому тебе я дал их трон;
Угодна мне твоя держава,
Угоден правый твой закон:
Тобой внесется росс высоко:
Над ним мое не дремлет око,
Я русский сам храню престол».
Он рек... и воздух всколебался,
Он рек... и в громах повторился
Его божественный глагол.

Эта ода напечатана в Петербурге, в 4-ю долю листа, на десяти страницах. Она доказывает, как трудно писателю, особенно молодому, не заплатить дани своему времени. Крылов не был особенным почитателем этого рода поэзии, исключи-

тельно завладевшего тогда всею русскою литературою, и зло подтрунивал над *одистами*. Не знаем подлинно, он ли был издателем журналов «Зритель» и «Почта духов» или только участвовал в их издании; но в своих сатирических статьях, которые Крылов помещал в этих журналах, он жестоко нападает на кропателей од. Статьи Крылова, помещавшиеся в этих изданиях, все сатирического содержания и все направлены преимущественно на модников, на модные магазины, принадлежавшие иностранцам, на употребление французского языка в образованном русском обществе и на невежество. В «Зрителе» есть даже восточная повесть Крылова – «Каиб»; она отзывается аллегорическим и моральным направлением, но истинное достоинство ее составляет дух сатиры, местами необыкновенно меткой и злой. «Почта духов» была первым журналом, который издавал Крылов или в котором он принимал деятельное участие. Это издание состоит из двух частей; выходило оно в 1789 году, а в 1802 вышло вторым изданием. «Зритель» печатался в собственной типографии Крылова; вот полный титул этого издания: «Зритель, ежемесячное издание 1792 года. В Санкт-Петербурге, 1792 года, в типографии Крылова с товарищами». В 1793 году Крылов вместе с Клушиным издавал ежемесячный журнал «Санктпетербургский Меркурий», печатавшийся тоже в *типографии Крылова с товарищи*. В то же время Крылов посвящал свои труды театру: в 1793 году написал он комедию «Проказники» (в прозе, в пяти актах) и оперу «Бешеная се-

мья» (в трех действиях); в 1794 написал он комедию «Сочинитель в прихожей» (в прозе, в трех актах). Кажется, что ни одна из этих пьес не была напечатана^[6], но, должно быть, они были играны на театре, потому что обратили на автора внимание императрицы Екатерины II, которая пожелала видеть Крылова; об этом событии Крылов и в старости рассказывал с глубоким чувством. Имя Крылова сделалось тогда известным, и он занял почетное место между писателями того времени. Но эта слава не удовлетворяла его; он как бы чувствовал, если не сознавал, что идет не по своей дороге, и не мог ни на чем остановиться. Вдруг пришло ему в голову писать басни; не доверяя себе, он показал свои первые опыты в этом роде Дмитриеву, который, одоббив их, возбудил в Крылове смелость действовать на этом поприще. Какие были первые басни, написанные Крыловым, и где они напечатаны – нам неизвестно^[7]. Уверяют, будто бы эти басни без имени Крылова были напечатаны в «Аглае» Карамзина, издававшейся в 1794 и 1795 годах; но это несправедливо: в обеих частях «Аглаи» помещены только две басни, одна Дмитриева – «Чиж и Зяблица», другая, должно быть, Хераскова – «Скворец, Попугай и Сорока»; последняя названа притчею и подписана буквами М. Х. Как бы то ни было, но басни Крылова начали часто появляться только в «Драматическом вестнике», издававшемся в 1808 году. Там напечатаны следующие басни: «Ворона и Лисица», «Дуб и Трость», «Лягушка и Вол», «Ларчик», «Старик и трое Молодых», «Лев,

Собака, Лисица и Волк», «Обезьяны», «Музыканты», «Парнас», «Пустынник и Медведь», «Оракул», «Волк и Ягненок», «Слон на воеводстве», «Лисица и Виноград», «Крестьянин и Смерть», «Слон и Моська». Все эти басни, с прибавлением некоторых новых, вошли в *первое* издание «Басен» Крылова, вышедшее в следующем (1809) году. В 1807 году Крылов навсегда распрощался с театром, напечатав комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам». Эти комедии возбудили в публике того времени величайший восторг; в «Драматическом вестнике» даже напечатаны два стихотворных послания к Крылову. В самом деле, в этих комедиях много комизма, хотя и чисто внешнего, много остроумия; в первой автор нападет на магазинщиц из иностранок, во второй – на употребление французского языка. В 1811 году вышло второе, исправленное издание басен и в том же году издание новых басен; затем следовали издания 1815 и 1819 года. В двадцатых годах книгопродавец Смирдин купил у Крылова, за 40 000 рублей ассигнациями, право на издание его басен в продолжение десяти лет. С тех пор до настоящей минуты число экземпляров басен Крылова давно уже перешло за *тридцать* тысяч (считая в том числе и издание 1843 года, последнее, сделанное самим Крыловым). А сколько еще должно быть изданий этих басен! Число читателей Крылова беспрерывно будет увеличиваться по мере увеличения числа грамотных людей в России. Басни его давно уже выучены наизусть образованными и полуобразованными сословиями в России, но

со временем его будет читать весь народ русский. Это слава, это триумф! Из всех родов славы самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава народная. Некто из фельетонных критиков^[8], обрадовавшись случаю набиться в дружбу умершему Крылову, назвал его всемирным поэтом, поэтом человечества; мы этого не скажем... Крылов – поэт русский, поэт России; мы думаем, что для Крылова довольно этого, чтоб иметь право на бессмертие, и что нельзя увеличить его великости, и без того несомненной, ложными восторгами и неосновательными похвалами...

Не будем распространяться в подробностях о частной жизни Крылова. Как скоро, где публичность не в обыкновении и не в правах, – там толки о неприкосновенной личности частного человека всегда подозрительны и никогда не могут быть приняты за достоверные. Оттого-то подобные толки напоминают всегда басню Крылова, в которой паук, прицепившись к хвосту орла, взлетел с ним на вершину Кавказа да еще расхвастался, что он, паук, приятель и друг ему, орлу, и что он, паук, больше всего любит правду... Личность Крылова вся отразилась в его баснях, которые могут служить образцом русского *себе на уме*, – того, что французы называют *argière pensee*². Человек, живой по натуре, умный, хорошо умевший понять и оценить всякие отношения, всякое положение, знавший людей. – Крылов тем не менее искренно был беспечен, ленив и спокоен до равнодушия. Он все

---

² задней мыслью (франц.). – Ред.

допускал, всему позволял быть, как оно есть, но сам ни подо что не подделывался и в образе жизни своей был оригинален до странности. И его странности не были ни маскою, ни расчетом: напротив, они составляли неотделимую часть его самого, были его натурою. Любо было смотреть на эту седую голову, на это простодушное, без всяких притязаний величавое лицо: точно, бывало, видишь перед собою древнего мудреца? – и этого впечатления не разрушала ни трубка, ни сигарка, не выходявшая из рта его. Хорош был этот старик-младенец, говорил ли он или молчал: в речи его было столько спокойствия и ровноты, а в молчании так много говорило спокойное лицо его.

Сын бедного чиновника, мальчик с стремлением к образованию, Крылов сам пробил себе дорогу в жизни. В то время книг и чтения не любили и канцеляристам не позволяли терять время на эти вздоры. Теперь мы часто встречаем препустейших людей, бросающих службу, в которой они могли бы быть хоть порядочными писцами, для литературы, в которой они ничем не могут быть. Но во время юности Крылова бросить службу и жить литературными трудами, весьма скудно вознаграждавшимися, завести типографию и быть вместе и автором и почти наборщиком своих сочинений – это означало не прихоть, а признак высшего призвания. Талант Крылова нашел себе ценителя не в одной публике. В 1814 году он был произведен в коллежские асессоры, по высочайшему повелению, *во уважение отличных дарований,*

как сказано в указе. В 1830 году он имел пансион в 6 000 рублей ассигнациями, был статским советником и кавалером нескольких орденов. Наконец, 3 февраля 1836 <года> Крылов получил истинную, небывалую до тех пор награду за свои литературные заслуги: в этот день был празднован пятидесятилетний юбилей литературной его деятельности^[9]. Петербургскими литераторами, с высочайшего соизволения, дан был Крылову обед, в котором участвовали многие сановники и знаменитые лица. При этом случае Крылову был пожалован орден Станислава 2-й степени. По случаю юбилея была выбита медаль с изображением Крылова. Эта овация сильно подействовала на маститого поэта.

Талант Крылова доставил ему много покровителей и связей; он сблизил его с А. Н. Олениным, в доме которого Крылов был принят, как родной. В А. Н. Оленине любил он и друга и человека своего времени: удивительно ли, что с его смертью Крылов осиротел совершенно? Вокруг него волновались уже все новые поколения; Крылов видел их любовь и внимание к нему, но своего, родного, близкого к сердцу он уже не видел нигде, и не с кем было ему перемолвить о том времени, в которое он был молод... Кто не желал бы видеть всегда живым и здоровым этого исполненного дней и славы старца? Кому не грустна мысль о том, что уже нет его? – Но эта грусть светла, в ней нет страдания: *дедушка Крылов* заплатил последнюю и неизбежную дань природе; он умер, вполне свершив свое призвание, вполне насладившись

заслуженною славою. Смерть для него была не несчастием, а успокоением, может быть, давно желанным... Он умер в прошлом году, ноября 3, на 77 году от рождения^[10]. С высочайшего разрешения, положено воздвигнуть Крылову памятник, и для этого уже открыта подписка следующим объявлением, которое доставлено нам для напечатания из канцелярии г. министра народного просвещения:

По всеподданнейшему докладу г. министра народного просвещения, государь император благоволил изъявить всемилостивейшее согласие на сооружение памятника Ивану Андреевичу Крылову и на повсеместное по империи открытие подписки для собрания суммы, потребной на исполнение сего предприятия.

Вслед за тем с высочайшего разрешения учрежден комитет для открытия подписки и всех распоряжений по этому делу.

Памятники, сооружаемые в честь знаменитым соотечественникам, суть высшие выражения благодарности народной. В них освящается и увековечивается память прошедшего; в них преподается назидательный и поощрительный урок грядущим поколениям.

Правительство, в семейном сочувствии с народом, объемля просвещенным вниманием и гордою любовью все заслуги, все отличия, все подвиги знаменитых мужей, прославившихся в отечестве, усыновляет их и за пределом жизни и возносит незыблемую память их над

тленными могилами сменяющихся поколений.

Исторические эпохи в жизни народа имеют свои памятники. Дмитрий Донской, Ермак, Пожарский, Минин, Сусанин, Петр Великий, Александр Благословенный, Суворов, Румянцев, Кутузов, Барклай в немом красноречии своем повествуют о своей и нашей славе: в неподвижном величии стоят они на страже независимости и непобедимости народной. По и другие деяния и другие мирные подвиги не остались также без внимания и без народного сочувствия. Памятники Ломоносова, Державина, Карамзина красноречиво о том свидетельствуют. Сии памятники, сии олицетворения народной славы, разбросанные от берегов Ледовитого моря до восточной грани Европы, знаменами умственной жизни и духовной силы населяют пространство нашего необозримого отечества. Подобно Мемно-новой статуе, сии памятники издают, в обширных и холодных степях наших, красноречивые и жизнедательные голоса под солнцем любви к отечеству и нераздельной с нею любви к просвещению.

Подобно трем поименованным писателям, и Крылов неизгладимо врезал имя свое на скрижалях русского языка.

Русский ум олицетворился в Крылове и выражается в творениях его. Басни его – живой и верный отголосок русского ума с его сметливостью, наблюдательностью, простосердечным лукавством, с его игривостью и глубокомыслием, не отвлеченным, не умозрительным,

а практическим и житейским. Стихи его отразились родным впечатлением в уме читателей его. И кто же в России не принадлежит к числу его читателей? Все возрасты, все знания, несколько поколений с ним ознакомились, тесно сблизилась с ним, начиная от восприимчивого и легкомысленного детства до охладевшей и рассудительной старости, от избранного круга образованных ценителей дарования до низших степеней общества, до людей, мало доступных обольщениям искусства, но одаренных природною понятливостью и для коих голос истины и здравого смысла, облеченный в слово животрепещущее, всегда вразумителен и привлекателен.

Крылов, нет сомнения, известен у нас и многим из тех, для коих грамота есть таинство еще недоступное. И те знают его понаслышке, затвердили некоторые стихи его с голоса, по изуственному преданию, и присвоили их себе, как пословицы, сии выражения общей и народной мудрости. Грамотная, печатная память его не умрет: она живет в десятках тысяч экземпляров басней его, которые перешли из рук в руки, из рода в род: они будут жить в несчетных изданиях, которые в течение времени передадут славу его дальнейшему потомству, пока останется хотя одно русское сердце, и отзовется оно на родной звук русского языка. Крылов свое дело сделал. Он подарил Россию славою незабвенною. Ныне пришла очередь наша. Недавно праздновали мы пятидесятилетний юбилей его литературной жизни. Ныне, когда его уже не стало, равномерно отблагодарим

его достойным образом: сотворим по нем народную тризну, увековечим благодарность нашу, как он увековечил дар, принесенный им на алтарь отечества и просвещения. Кто из русских не порадуется, что русский царь, который благоволил к Крылову при жизни его, благоволит и к его памяти; кто не порадуется, что он милостивым, живительным словом разрешает народную признательность принести знаменитому современнику возмездие за жизнь, которая так звучно, так глубоко отозвалась в общественной жизни нескольких поколений? Нет сомнения, что общий голос откликнется радушным ответом на вызов соорудить памятник Крылову и поблагодарит правительство, которое угадало и предупредило общее желание.

Забываясь о том, чтобы вполне осуществить сие желание и сделать исполнение его доступным всем и каждому, комитет постановил себе первым правилом принимать всякое приношение, начиная от щедрой дани богатого ревнителя отечественной славы до скромного и малозначительного пожертвования смиренного добродетеля. Кто захочет определить границу благодарности? И тем более, кто возьмется установить крайнюю цену ее, ниже чего ей и показаться нельзя? Благодарности и добровольному выражению ее предоставляется полная свобода. Крылов принадлежит всем возрастам и всем званиям. Он более, нежели литератор и поэт. В этом выражении есть все что-то отвлеченное и понятное только для немногих, но круг

действия его был обширнее и всенароднее. Слишком смело было бы сравнивать письменные заслуги, хотя и блистательные, с историческими подвигами гражданской доблести. Но, вспомня Минина, который был *выборный человек от всея русския земли*, нельзя ли, без всякого применения к лицам и событиям, сказать о Крылове, что он *выборный грамотный человек всей России*? Голос его раздавался в столицах и селах, на ученических скамьях детей, под сенью семейного крова, в роскошных палатках и в храминах науки и просвещения, в лавке торговца и в трудолюбивом приюте грамотного ремесленника. Пусть и голос благодарности отзовется отовсюду.

Памятник Крылову воздвигнут будет в Петербурге. И где же быть ему, как не здесь? Не здесь родился поэт, но здесь родилась и созрела слава его. Он был собственностью столицы, которая делилась им с Россиею. Не был ли он и при жизни своей живым памятником Петербурга? С ним жила и водили хлеб-соль деда нашего поколения, и он же забавлял и поучал детей наших. Кто из петербургских жителей не знал его по крайней мере с виду? Кто не имел случая любоваться этим открытым, широким лицом, на коем отпечатлевалась сила мысли и отсвечивалась искра возвышенного дарования? Кто не любовался этою могучею, обросшею седыми волосами львиною головою, недаром приданной баснописцу, который также повелитель зверей, – этим монументальным, богатырским

дородством, напоминающим нам запамätованные времена воспетого им Ильи богатыря? Кто, и не знакомый с ним, встретя его, не говорил: *вот дедушка Крылов!* и мысленно не поклонялся поэту, который был близок каждому русскому?..

Художнику, призванному увековечить изображением его, не нужно будет идеализировать свое создание. Ему только следует быть верным истине и природе. Пусть представит он нам подлинник в живом и, так сказать, буквальном переводе. Пусть явится перед нами в строгом и верном значении слова вылитый Крылов. Тут будет и действительность и поэзия. Тут сольются и в стройном целом обозначатся общее и высокое понятие об искусстве и олицетворенный снимок с частного самобытного образца, в котором резко и живописно выразились черты русской природы в проявлении ее вещественной и духовной жизни.

Все суммы, которые будут собраны по подписке, до приступа к исполнению предположения, должны храниться в казначействе Министерства народного просвещения. Пожертвования можно обращать прямо в министерство; принимаются также гг. губернскими предводителями дворянства и градскими главами, от которых все сборы по губерниям будут сосредоточиваться у гг. гражданских губернаторов. По ведомству Министерства народного просвещения поручение это возложено, под распоряжением гг. попечителей учебных округов, на директоров училищ в

губерниях.

Президент Академии наук С. Уваров.

Почетный член Академии наук, граф Д. Блудов.

Вице-президент Академии наук, князь М. Дондуков-Корсаков.

Действительный член Академии наук, князь П. Вяземский.

Ректор С.-Петербургского университета П. Плетнев.

Душеприказчик И. А. Крылова Я. Ростовцов.

Мы уверены, что в России не останется ни одного грамотного человека, который не принял бы участия в этом истинно национальном деле.

Комментарии

1.

Белинский имеет в виду славянофилов (Подробнее об этом литературно-общественном движении см. в кн.: Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., Наука, 1978).

2.

Белинский цитирует песню П. Ж. Беранже «Кардинал и песенник»:

3.

Здесь и далее курсив в стихах Белинского.

4.

В действительности первое издание было в 1779 г.

5.

«Клеопатра» до нас не дошла; «Филомела» была напечатана в 1793 г.

6.

В действительности все пьесы были опубликованы: «Бешеная семья» – в 1783 г.; «Сочинитель в прихожей» – в 1794 г.; «Проказники» – в 1796 г.

7.

Первые басни И. А. Крылова были опубликованы в 1788 г. в журнале «Утренние часы».

8.

Булгарин.

9.

Белинский оговорился: юбилей И. А. Крылова праздновался 2 февраля 1838 г.

10.

И. А. Крылов умер 9 (21) ноября.